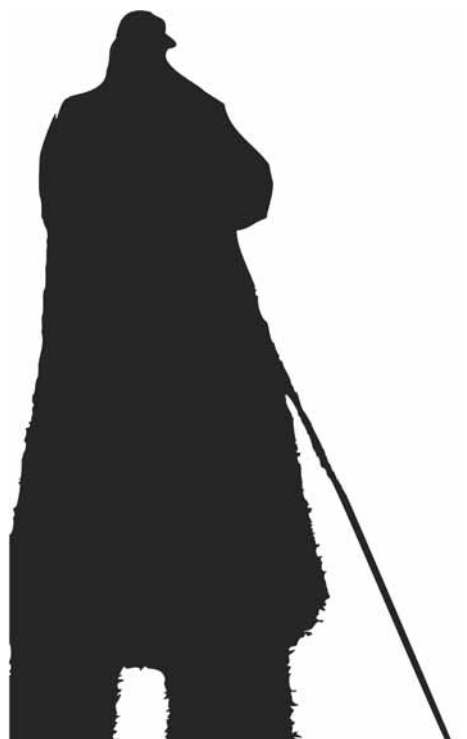

Борис Корнел
ВДВОЁМ...

Борис Корнев

ВДВОЁМ...

Рассказы, очерк, новелла и эссе

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2018

Корнев Б.Ф. Вдвоём...: Рассказы, очерк, новелла и эссе. —
СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. — 56 с., [6] л.: ил.
ISBN 978-5-89566-189-5

В сборник включены рассказы, очерки и эссе, написанные автором после путешествия с пёсиком по имени Масик по европейским городам: Манола – Барселона – Сере – Амели-ле-Бен-Палальда – Лярок-дез-Альбер – Верне-ле-Бен – Пра-де Моллю-ла-Прест – Перпиньян...

© Б.Ф. Корнев, текст, 2018

© А.В. Спиридонов, макет и оформление, 2018

© «Историческая иллюстрация», 2018

Когда все дома...

Рассказ

Я вылез из-под одеяла и сладко потянулся. Похоже, пора вставать и идти гулять. Сегодня пасмурно, поэтому Борис пойдёт наверняка по короткой лесной тропинке. Но это ничего: я и там знаю много хороших мест, где интересно остановиться, осмотреться и побегать. Мы подойдём к воде. Волны холодного осеннего моря опять будут брызгаться и, набегая на берег, кусать его, а потом бессильно откатываться назад. Порыв ветра ударит прямо в нос запахом опавших сырых листьев. Чуть в стороне любимая сосна... У неё такая нежная кора с розовым узором – будто улыбается мне. Только снизу ровный и высокий ствол уже начинает темнеть и покрываться мокрым зелёным мхом. Здорово вдохнуть воздух, сырой от дождя, который приятно стучал всю ночь по крыше дома...

Мне вообще нравится гулять утром по узенькой дорожке вдоль берега. Вокруг много сосен и почти нет черники. Эти кусты такие противные. Пройдёшь рядом с ними, сразу вымокнешь. Я этого не люблю.

Борис идёт рядом и названивает по телефону. Занят. Не до меня. Ну что ж, раз так, побегу-ка быстренько на своё любимое место. Там берег делает крутой изгиб, образуя мелкую заводь, где много сочной травы и камышей. Тихо подобравшись к воде из-за деревьев, люблю пугать белых лебедей, которые частенько заплывают сюда отдохнуть. Долго бегаю вдоль берега, пытаюсь показать всем своим видом, кто здесь хозяин. Ну, хотя бы тут, рядом с моей тропинкой... Лебеди, не суетясь, не взмахивая крыльями, легко

покачиваясь на волне, отплывают чуть в сторону. Даже шеи свои длинные не поворачивают. Не то что утки. Те бы сразу вспорхнули и унеслись куда подальше. А эти курлычут, крыльями взмахивают, но не улетают.

С чувством исполненного долга я возвращаюсь домой. Борис уже приготовил еду и несёт на стол тарелки. После долгой прогулки на голодный желудок всегда хочется есть.

Почувствовав прилив радости, опережая Бориску, тоже устремляюсь к еде. Правда, приходится то и дело оглядываться: точно ли несут мою тарелку, или, может быть, передумали, или, не дай Бог, уже сами всё съели. Пока всё благополучно. Начинается трапеза.

Обычно я быстро съедаю свою порцию и жду, когда Борис вспомнит слова какого-то доктора и оставит нетронутой половину своего завтрака. Жду этого чудесного мгновения, сидя на диване, вежливо глядя совсем в другую сторону. В воздухе пахнет варёным мясом и гречкой. Причём у него гречка наверняка с солью и густо полита оливковым маслом, что делает её уже не просто кашей, а настоящим лакомством. Количество съеденного Борисом растёт, а порция каши, что остаётся в тарелке, назло мне неотвратимо уменьшается.

Мне захотелось как-то напомнить о себе, и я принимаюсь напевать что-нибудь из того, что Бориса раздражает. Прекрасно знаю, что он этого не любит, терпеть не может и потом всегда ругается. Никакого эффекта! Плохо дело. Придётся осуществить прямое вмешательство – просто подойти и съесть свою долю. Это вообще-то беспроектный вариант, но понятно и другое – пользоваться сильными средствами можно только в крайнем случае. Ура! Победа! С удовольствием возвращаюсь на диван и удобно устраиваюсь там, положив голову на большую красную подушку.

Насытившись, мы молча смотрим телевизор. Там всегда ничего интересного – один шум и мелькание картинок. Вот когда «Семнадцать мгновений весны» или футбол, тогда Борис охает или громко орёт, а я чувствую что-то неладное, боюсь и переживаю за него. Сегодня наоборот. Полная

идиллия, никаких эмоций. Сон постепенно захватывает нас обоих.

Чуть погода Борис встаёт налить себе большую кружку чая. Я сразу же приподнимаюсь, чтобы проверить, не делает ли он себе бутерброд с сыром. А может, даже и с колбасой! Чая-то многовато будет... Вряд ли он сможет его выпить просто так... Нет, ошибочка вышла: в этот раз я пролетел. Что ж, ему же хуже. С булочкой да ещё с чем-нибудь значительным было бы гораздо вкуснее.

Я просто удивляюсь ему. Знает же, что если чай сладкий, то обязательно нужно бутерброд с сыром. Чай был с сахаром, я видел. И на тебе! Выпил залпом, «не закусывая». А представляете, если бы он всё-таки взял бутерброд? Ну давайте помечтаем. Дал бы мне половину? Дал бы? Фиг! Сразу весь целиком засунул бы себе в рот и потом бы долго жевал, запивая чаем. Уж я-то знаю! Это чтобы не делиться. Он или жадный, или сам очень поесть любит. Я все ещё колеблюсь, пока не разобрался. Изучаю, сравниваю с друзьями. Мне важно это для себя уяснить, чтобы применять более эффективные формы воздействия на моего старшего приятеля.

В общем-то, Бориска хороший, и я его люблю. Люблю обниматься с ним и целоваться. Люблю, когда он берёт меня с собой кататься на машине. Я обычно сижу рядом, а когда он зачем-то выходит, сажусь на его место за руль. Прохожие смотрят и удивляются: мол, такой маленький, а уже умеет водить машину.

Бывает, проснёшься, скинешь в сторону одеяло, откроешь глаза и сквозь огромное во всю стену окно видишь ещё зелёную полянку, где я обычно играю, светлые листья берёзы на фоне всегда тёмных елей... А Бориска погладит меня, накроет одеялом с головой и давай снова спать. Я обычно глубоко-глубоко вздыхаю. И в этом вздохе всегда столько печали, что Борис опять начинает меня гладить. Хорошо, когда все дома! Но ведь когда-нибудь это счастье закончится...

А когда он уезжает, мне очень хочется, чтобы он поскорее вернулся. Тогда я жду его, боюсь пропустить. Устроюсь

прямо на траве и часами смотрю на ворота, не отводя глаз. Или сразу иду к огромному валуну около дома. Когда мне тяжело, я всегда там. Улягусь и лежу себе. Тепло, спокойно. Это камень так на меня действует. Он вообще давно здесь. Много-много лет! Ещё и меня на свете не было. Случается, долго лежу. Тогда валун не выдерживает, и я слышу его медленный шёпот: «Не мель-к-а-а-й...» Если уже поздно и нужно идти спать, то я, конечно, уйду домой, но всё равно ещё с полчаса буду стоять у дверей, понунив голову, и ждать. А вдруг... Это же большая разница: спать одному на диване в комнате у бабушки или на огромной кровати вместе с Бориской.

Вчера на мой юбилей привезли младшего родственничка. Такой маленький, беленький, с тёмными круглыми глазёнками. Вылитый зайка. И бегаёт так же. Кричу на него, ведь я же главный, а он не убегает, лишь вокруг меня круги наматывает. Якобы умный. Должно быть, сразу смекнул, что мне его не поймать. Умный-то умный, но гадёныш! Уже успел сломать и разорвать все мои игрушки, что валялись повсюду на полянке. Зубы у него острые, чешутся, вот он и хватается всё, что в зоне его досягаемости, да норовит самое ценное ухватить. Борискин телефон сжевал, пульт от телевизора, любимые тапки, я помню, всегда ему их приносил, а этот!..

Но кто хозяин в доме? Я его сразу приучил. Борис принесёт что-нибудь вкусненькое, так этот даже не подходит, нос воротит в сторону, мол, и не видит вовсе, якобы не надо ему этого. Конечно, я же рядом! Вмиг отниму! У меня не забалуешь! Другое дело, если я далеко, лежу, к примеру, на диване рядом с Борисом. Тогда этому змеёнышу «масленица». Утаскивает вкуснятинку куда-нибудь подальше, выроет ямку в огороде, положит туда хрустик (фу, как можно!), а после носом аккуратненько засыплет и возвращается, как ни в чём не бывало. Только нос-то весь в земле. Тоже мне, умный! Я же всё вижу, сразу делаю выводы, потом наблюдаю, отслеживаю дальнейшие действия и поступки. Хотя «действия» и «поступки», как по телевизору говорил какой-то Мюллер, – одно и то же.

Есть у новенького две особенности. Тут уж я не в силах как-то повлиять. Зимой под снегом, по запаху что ли, всегда находит все игрушки, ещё осенью разбросанные по поляне. Причём Борис, бывало, крикнет: «А где же наша утка?» Ишь ты: «Наша»! Так он сразу находит. Даже лягушку может отыскать. Игрушка очень маленькая, а он всё равно находит. Вытащит из-под снега и прямо по сугробу бежит вприпрыжку. И не проваливается ведь. Я так не чую – просто помню, где что лежит. А этот! Прямо охотник... за чужим. Выбежит, бывало, вместе с уткой моей на тропинку, прокопанную в снегу, станет во весь рост, и любуйтесь на него: «Вот я какой, весь из себя смышлённый и находчивый!» Не хватает только кепки на макушке да штанов на лямках крест-накрест. А сам и лаять-то не умеет. Только молчит с таким видом, мол, думать шибко любит. Иногда, если Бориска снег убирает или осенью листья, этот совсем с катушек слетает и, кидаясь на лопату или на грабли, пищит, визжит, мяукает, будто кошка, всё что угодно, только не лает. То ли нравится ему, как грабли двигаются туда-сюда, то ли железа в организме не хватает, а потом поймают-таки, лижет их, как ошалелый. А так может просидеть у дверей целый час и не проронить ни звука. Даже зимой! Тоже мне герой!

Теперь главное. Кровать, на которой я сплю с Борисом, довольно высокая, и я ещё пока могу туда залезть. Но, знаете ли, с трудом и только с правой стороны. Так этот запрыгнет первым, сидит на моём месте и в ус не дуёт. Не то чтобы издевается надо мной. Нет. Скорее, пытается продемонстрировать естественный процесс смены власти. Я туда-сюда, хожу, пищу Борису ультразвуком, мол, перенеси ты этого охламона за шиворот с моего места. Не-а! Один уже спит, другой балдеет от счастья. Я же не могу теперь так просто взять и запрыгнуть. Если бы мог, этот давно скулил бы, вымаливая у меня прощение.

Короче, насладившись своим внезапным величием, он потом сам медленно, нехотя, будто делая большое одолжение, перебирается через Бориса на левый борт кровати, освобождая мне моё место. Ну, что же, значит, хоть и гадёныш

в частностях, но по большому счёту всё-таки соображает, как надо себя вести! Только это и радует, заставляет терпеть его выходки, привыкаешь помаленьку, ну и так, вообще, вроде как любишь его, что ли.

Наконец-то залезаю на кровать и, устроившись в ногах у Бориски поверх одеяла, от удовольствия привычно громко вздыхаю. Маленький, застеснявшись, опускает голову и лезет ко мне лизаться. Очень нужно! Лучше бы не увязывался с нами, когда мы идём гулять с Борисом. Всё время так и трётся, так и трётся рядом. Ведь этак он ещё и до лебедей доберётся. А ведь я и сам ещё ни разу на них даже не лаял.

Гвоздь

Новелла

Они хранились в новой картонной коробке, ровненькие, старательно уложенные шляпками к одной стороне, остриём – к другой. Половину из этих коробочек мой пёсик Масик уже оприходовал. Убегал с ними на полянку, разрывал красивую коробочку и играл с её кусочками. Гвозди, разумеется, оставались лежать на земле, поблескивая на солнце. На полке, рядом с коробками, оставшимися после набегов Масика, было блюдце от старого чайного сервиза. В нём россыпью валялись гвозди длиной поменьше. Такая колючая блестящая кучка. Рука потянулась к ним... В коробочке один гвоздь нужно ещё нащупать, умудриться подцепить и извлечь из плотной обоймы. А здесь легко, не касаясь других, вытянуть один из целой груды. И ещё, в отличие от тех, что в коробочке, эти оцинкованные и не пахнут смазкой прессового станка. Не хотелось бы, занимаясь важным делом, вдыхать этот «аромат».

Аккуратно, большим и указательным пальцем, я обнял цилиндр самого блестящего гвоздя и играючи потянул к себе. Остальные не шелохнулись! Ровный, нужного размера гвоздь сверкал у меня на ладони и своим металлическим холодком чуть-чуть обжигал кожу. Не выдержал, повертел его пальцами. Неубранные после штамповки заусеницы снизу под шляпкой чуть поцарапали палец. Появившаяся на гвозде неровная алая полоска светилась, будто изнутри, и, предупреждая о чём-то, вызывала непонятные, почти мистические чувства. Я осторожно прикоснулся пальцем к острию...

Цель проста до невозможности: вбить в стенку гвоздь и повесить бра. Я замерил расстояние в проёме между двумя дверьми. Посередине и точно над розеткой! Взобрался на стул и принялся вбивать в стену приглянувшийся мне метиз. Металлический стержень как в масло входил в штукатурку, гулко отзываясь на удары молотка по рифлёной шляпке...

Очнулся на полу. Масик лижет моё лицо. Стул – рядом, перевернут, молоток – не знаю где. Темно. Свет вырубился... Пахнет жжёной изоляцией проводки и ещё чёрт знает чем! А гвоздь... Этот – в стене! Его видно даже в темноте. Он, будто северное сияние, ярко светится сменяющими друг друга цветами радуги, красным, оранжевым, синим...

Я знаю! Это интерференция белого света в образовавшейся на поверхности металла тонкой окисной плёнке. По мере нагрева и роста её толщины сначала из белого света вычитается фиолетово-синий, затем зелёный...

Системообразующий дизайн

Рассказ

Утро. 10.00. Сделали три круга вокруг Главпочтамта, ищу место, где припарковаться. Встал. Но задние колеса на пять сантиметров залезают на зебру перехода. Опять-таки раза три вылезал, смотрел, выверял, ближе и ближе прижимался к стоящему впереди авто. Всё это время Масик сидел на своей лежанке в клеточке, охал и ахал, выглядывая в узенькое окошко. Окончательно встал. «Ждать!» – привычно скомандовал я. За два раза перетащил четыре мешка книг по четырнадцать килограммов каждый, успешно преодолел тяжелейшие двери учреждения. Сразу иду к автомату. Беру номерок. На нём № 142. Теперь – в «упаковку». Там сшили, опломбировали. Каждую секунду по башке бьёт сигнал – «смотри табло!». На нём ничего не поймёшь. То появляется цифра 300, то 27, то 260... Конечно, там указано, к какому окну какому номеру идти. Но как понять, скоро ли подойдёт моя очередь? Под электронный звон табло быстро, чтобы не пропустить свою полную неопределённости очередь, царапаю шариковой ручкой адрес, куда и от кого. Царапаю, как научили, на мешковине посылки, на картонке, на декларации... Обвожу буквы два-три раза, чтобы не стерлись. Глядишь, груз придёт к тому, кому нужно... Серая мешковина противится, как может, ручка то и дело протыкает картон... Надписал! Радуюсь.

Фиг тебе! Теперь зачеркни всё это и пиши по-новой, но сверху – от кого, снизу – кому. Нравится? Давай, давай! Подумаешь, послушал упаковщицу! Вон, только что у неё мужик бандероль упаковывал трёхкилограммовую. Всё

сделал, перешёл к соседнему окошку. А там приговор! «В Канаду только два кило!» Придётся дяденьке разрывать посылочку и вновь упаковывать, теперь уже две бандероли в один и в два килограмма...

Вспотел, спина мокрая, начинаю кашлять... В голове крутится только одна устойчивая мысль: «Обязательно заболею!» А вот и мой номер засветился и ударил, как обухом по голове. Говорю: «Возьмите пока первый мешок. Он уже готов». «Нэт! Только всё четырэ сразу». Девушка вроде не грузинка, но говорит с акцентом, и такая спокойная, должно быть, психически адаптированная или вакцинированная от нашествия общественности. Видимо, у неё в голове своя и тоже отчётливая мысль: «Общественность – инфекция!» Сразу вспомнилось памятное событие – оформление пенсии в районном собесе. Такая же девушка, словно робот, перекладывает бумажки в установленном порядке. Вдруг дверь открылась и вошла женщина с явно больным ребёнком, что-то просит, даже плачет... Ответная реакция – просто прелесть! «Это что? У меня *этого* нет. В компьютере тоже нет!»

К окну уже подходят другие «номера», меня отодвигают, ругаются. У них тоже что-то не так! Но мне не до их проблем. Мне бы снова свой номер не пропустить. Эх, сейчас бы Масика сюда! Он бы им всем показал, как Родину любить. Девушка не пойми кому, наверное сама себе, объясняет что-то и спокойненько бубнит: «Чудные какие! Вчера вэчером вообще всё компы завысли, человек двести толпились у окон и орали, орали, орали... А тут, подумаешь, автомат сломался и номэра нэ выдаёт!»

Автомат сломался! Какое везение! Я стою у окна, и теперь никто не сможет меня опередить. Тут же, на узком прилавке громоздятся четыре мешка с моими книгами... Впервые вместо издательства решил сам откликнуться на просьбы национальных библиотек. Дурачок! Нужно сказать, два дня назад я уже навещал это главное почтовое учреждение города и в информационном окошке сразу же выяснил стоимость посылки за границу весом четырнадцать килограмм и даже успел одну упаковать и надписать.

Но номер мой всё не появлялся и не появлялся. Прошёл час, другой... Масик там один, на улице... Хотя, в машине всё-таки.

В общем, решил подготовиться психически и снова посетил учреждение государственной Почты России.

Сегодня цена услуги оказалась почти в полтора раза выше, чем рассчитанная два дня назад. Если подумать, то станет ясно, почему руководство Почты каждый день пытается таким экзотическим манером увеличить доходы от посылок. Ведь уже много лет посылки – это только шесть процентов от всех поступлений, а тридцать три – вовсе непрофильная деятельность! Нужно ведь как-то соответствовать названию государственной конторы! Вот и пытаются почти всю прибыль делать на «посылках». Не радуйтесь! Не на ваших! На заказах интернет-магазинов. Проще и дешевле самому сесть в машину и хоть на пароме через Финляндию въехать в Европу и удовлетворить всех жаждущих моих «творений». Тем более что здесь даже по новой озвученной цене взамен никаких бумажек мне всё равно не дадут. Никакой ответственности! За ответственность плати отдельно! А так – просто вынесут через другую, наверняка более лёгкую дверь, и выбросят. И им ничего за это не будет!

Одна мелочь особенно непостижима и потому страшна. Почему при упаковке посылки не набрать адрес на компьютере, вывести текст через принтер и какой-нибудь спецплёнкой приклеить... пусть даже к мешковине? И ещё. Как участвует картонка 20 на 20 сантиметров в сложном технологическом процессе доставки посылки? Этого, наверное, так никогда и не узнаю. Должно быть, это тайна! За неё, кстати, начальнику Почты доплачивают каждый месяц ещё пол-оклада. А, между прочим, сегодняшний директор Почты с отличием закончил МГТУ имени Баумана как раз по специальности «новые технологии и материалы», но уже через год сообразил и возглавил собственную фирму, работавшую в сфере графического дизайна...

Почта у нас системообразующее предприятие! Так заявило Минэкономразвития. Наверное, это действительно

система, где все начальники попросту не успевают ничего изменить. Год-два поруководят, и всё! А, может, и не нужно им это вовсе? 350 тысяч работников по всей стране. Их средняя зарплата – около 19 тысяч. Она, между прочим, выросла за последний год, аж на 1%! То есть каждый получает 230 тысяч в год! Вы спросите: «А у него? У директора?» Не мучайтесь, не отгадаете. В год – 3 миллиона 600 тысяч! Это без уже упоминавшихся ежемесячных «добавок» в пол-оклада. А теперь знаете что? Умножьте-ка всё это на 500. Опять спросите: «Зачем?» Зачем, зачем! Так разрешено же! Из наших с вами денег директору государственного предприятия можно дать самому себе премию. При этом совершенно законно. Нужно только вместо почты стать чуть-чуть магазином! Сколько дать? Ой, много! Но не больше... Не больше чем в 500 раз по сравнению со средней зарплатой работников. Умножили? Куда там! С нулями запутаетесь! Это же какие деньжища получаются!..

Я специально не пишу о системном бизнесе «кручения» денег, поступающих от клиентов для перевода. Зачем? Ещё пятнадцать лет назад этим успешно увлекались начальники от Почты. Лишний день-другой подождёт клиент денежного перевода – «государственному предприятию» польза!

А мы удивляемся, негодуем. Системообразующее предприятие страны, сотням тысяч граждан дающее работу, может только мешки сшивать суровыми нитками? А «любимый» клиент пусть химический карандаш лижет и царапает, царапает и лижет... Как когда-то, в прошлом веке.

Плюнул на всё. На потраченное впустую время, на неуёмную жажду зарубежного читателя «прикоснуться к прекрасному российскому творчеству», вынес я свои мешки, сразу все. Умудрился! Подхожу. А моя машинка уже на эвакуаторе. Масик пищит в клетке...

– Я же не на зебре стою! Положено пять метров до перехода, а не после!

– А мы с другой стороны подъехали...

– Но ведь тут одностороннее...

Три дня в октябре семнадцатого

Очерк

Ну вот! Начинается. Пока всё неоднозначно. В Косово и в Крыму парламенты автономий сами приняли решение о независимости. И этого оказалось достаточно. Только после в Крыму провели референдум. Но и то – для присоединения к России. Ни Абхазия, ни Южная Осетия, ни Косово ни к кому не присоединялись. Там и референдумы вроде как не нужны были. Признать независимость может одна страна. Этого достаточно для ООН. Абхазия и Осетия признаны Россией и ещё кем-то, Косово – всем Западом, естественно... Кроме Испании, между прочим! Говорят, Каталонию признает кто-то из ЕС!? Но кто? До поры до времени предусмотрительно не раскрывают.

Долго было не понять – независимость это или что? Несколько лет назад проходил опрос – не референдум. Тогда за суверенитет Каталонии проголосовало 80%, а участвовала лишь треть от имевших право голоса. Верховный суд Каталонии приговорил тогдашнего лидера автономии Артура Маса к штрафу и запретил занимать государственные и выборные должности в течение двух лет. В этом году, при Карлосе Пучдемонe, новом лидере Каталонии, в референдуме участвовало уже 43% из имевших право голосовать. Из них больше 90% – за независимость. Им бы добрать явку до 51%! Ан, нет! Не получилось. Остальные, а это явно больше половины, вроде как законопослушные, на референдум, запрещенный Мадридом, не пошли. Но, если они такие, то может, лучше бы пришли и проголосовали так, как хочет Мадрид? Но Мадрид этого не захотел...

В общем, как-то не очень! Правда, определённо лучше, чем два года назад. Однако некая неопределённость вкралась, и Мадрид даже официально запрашивал Пучдемона, скажи, мол, однозначно: да или нет? А то кто-то провозгласил, кто-то подписал, потом приостановил... Непонятно, парламент-то что решил?

Эх! Нужно было работать с Верховным судом Каталонии. Вот если бы местный суд что-то сказал в защиту решения автономии... Тогда схлестнулись бы два суда, испанский и каталонский. А два юриста, как известно, – три мнения! И пока идёт диспут по правовому вопросу, создавали бы то, чего в Каталонии нет: институты государственности и свою валюту...

27 октября

Сегодня все всё сказали и решили. Парламент Каталонии проголосовал. Из 82 депутатов, принявших участие в голосовании, 70 – за, 10 – против, 2 – воздержались. 53 человека из оппозиции зал покинули, оставив на своих местах флаги Испании. То есть кворум всё равно был. И «за» – большинство. Правительство Испании сразу решило ввести прямое управление в Каталонии. Через час это утвердил Сенат. Президент и правительство отстранены де-юре, на 21-е декабря назначены новые выборы в Парламент автономии. Более того, уже собрался Верховный суд Испании и он дал три дня руководителям Каталонии, чтобы «одуматься». Выходные дни, как август и сиеста, – святое дело!

Вечером народ здесь всегда балдеет. Сидят в кафе, болтают все одновременно и часами пьют одну чашку кофе. На маленькую площадь Святого Якова (Sant-Jaume – *кат.*) в Готическом квартале Барселоны (там здание правительства Каталонии) собрались тысяч двадцать. Как уместились? Все с флагами, поют, танцуют, обнимаются, кто-то в толкучке умудряется сжигать свой испанский паспорт. Видел пятерых таких. Для чего собрались? Не очень ясно. Должно быть, празднуют победу? Какую? Им объявили

о независимости? Двое организаторов референдума арестованы, в понедельник правительство Испании именно сюда, в это здание, пришлёт своих представителей, начнёт само управлять автономией и организует новые выборы её парламента. Сегодня из 135 депутатов 63 за Испанию. В декабре сделают больше. Вот и всё!

А если не выполнять решение Мадрида? Сохранить якобы действующий парламент, правительство, самого Пуч-демона и, главное, – главу местной полиции... Но как работать? Институтов государственности нет, Верховный суд Каталонии на стороне Мадрида (вернее, Закона), банк Испании прикроет все транзакции, Штаты на стороне Мадрида, Евросоюз – тоже, бизнес, меняя адрес регистрации, утекает из Каталонии, налоги в местный бюджет сокращаются...

И ещё. Второй день и ночь над Барселоной кружатся вертолёты Национальной полиции. На земле на проспектах и площадях – местная полиция. Эти просто присутствуют и отделяют народ от Национальной гвардии, что предусмотрительно, надо сказать, после побоища 1 октября, в день референдума. И потом, совсем недавно теракт был в Барселоне... Чего проще...

Так что же ждать в понедельник? Жёсткие действия Национальной полиции (свыше 800 пострадавших), которую привезли в Барселону пароходами и самолётами перед самым референдумом, молчаливо «одобрили» все соседи по ЕС...

Пока не ясно.

Но несколько лакмусовых бумажек, возможно, приоткроют завесу таинственности.

Когда посадили организаторов референдума, по вечерам с очень многих балконов, на которых вывешены флаги Каталонии, стучали в кастрюли. Сразу вспомнился 1973 год, Чили... Нехорошие ассоциации.

Сегодня ночью чаще, чем обычно, шумит скорая помощь.

Одинаковые по массовости потоки людей двигаются к площади Святого Якова и от неё... Что, посмотрели и ладно?

Это несколько странно. В Питере в 91-м шли на Дворцовую, а не с неё. Вот если бы все стояли там, у здания правительства автономии, до понедельника... Это было бы понятно. Я ничего никому не советую. Боже упаси! Зам аж залива (*ивр.*)! Просто ностальгия по былым кризисным проектам...

Поздно, но некоторые родители пришли с детьми, с собачками... Народ пассионарный и совершенно отсутствует чувство опасности, тревоги и страха...

Иммигранты из Африки, пользуясь случаем, тут же продают сумочки. И кто-то ведь их покусает...

Русские, в основном молодые парочки, мелькают редко. Но всякий раз там слышен отчётливый мат-перемат...

28 октября

Всю прошлую ночь шумели вертолёты и орали машины скорой помощи. Флагов напротив нашего балкона стало больше... Однако у входа в некоторые магазинчики висят два. С одной стороны двери каталонский, а с другой – испанский. Вдруг начать громить! Главное – не дать повода для жёстких силовых действий! Исключить провокации! В местах скопления людей местная полиция по-прежнему стоит между народом и приехавшей из Мадрида Национальной гвардией. Это хорошо. Сегодня премьер Испании отстранил от должности всё руководство Каталонии. Это не страшно, от них мало что зависит. А вот то, что испанское МВД дефакто уволило местного начальника полиции с должности ещё пока двойного подчинения, меняет дело! Начинается «прямое неповиновение»...

15 часов. Слышу какой-то шум. Сначала звонок в дверь. Не с улицы. Оттуда часто звонят, чтобы попасть к почтовым ящикам. Это прозвучало непривычно громко, с лестничной площадки. Масик сообразил и даже не залаял, только прижался к моим ногам, поджав хвост. На всякий случай я выключил свет и открыл «глазок» – просто дырка в двери... В этот же миг услышал сирену под окнами. Решил сперва кинуться к окну. Масик не пускает. Смотрю,

машины подъехали и на них написано слово на испанском. Но я же продвинутый! Читаю – “bombero” или что-то похожее. Первая мысль – бомба в доме! Вторая – эгоцентризм в действии: за репортаж в фэйсбуке... Потом сообразил: пожарные! Вернее, почуял запах дыма. Вернулся к дырке в двери. За ней стоит мужик со шлангом на плече и трогает ладонью окно рядом с соседней дверью... Я понятливый – открыл. Ввалились сразу трое. И все со шлангами... Что-то втолковывают мне. А я нагнулся и держу ручку за ошейник Масика, чтобы не убёг. С него станется! Один, огромный такой, переступил через нас, как мне показалось, и ринулся к окну, потом к электроплите, потом спокойно зашёл в туалет... Я смотрел на них, искусно демонстрируя овощ. В общем, поглядели вокруг, на меня, на Масика, который не проронил ни звука, и смылись. После в их шланги подали воду. Она полилась куда-то, а из окон ниже этажом повалил густой дым... Жители в доме напротив весело глазели на бесплатное шоу. Мне же жестами убедительно показали, чтобы я свалил с балкона и закрыл двери.

Да! Позвонил сыну. Он спокойно до невозможности сказал только три слова: «Там всё застраховано».

Мы доели каждый свою еду и легли спать. Сиеста! Ассимилируемся со средой обитания.

29 октября

К одиннадцати часам, гуляя с Масиком, добрал до какого-то рынка, где продавали много старых книг. Полно народу. Купил “Le Grand Meaulnes”. Вдруг ярко-жёлтым цветом мелькнули непривычные в Барселоне испанские флаги. Это целое семейство вышло из подъезда дома и направилось... к книжным рядам. Завёрнутые в государственную святыню, словно в простыню, здесь они смотрелись как-то неуклюже. Хотя лица родителей и их детей были спокойными и даже, я бы сказал, светились уверенностью. То ли в правоте их политического выбора, то ли художественного...

К двенадцати один вышел на прогулку. Не стал вовлекать маленького в революционные столкновения. На про-

спекте Gran Via в сторону площади Placa de la Glories Catalanes за 3,5 километра его перекрыла местная полиция. Это симптом! Позавчера ничего не перекрывали. А тут нате вам – один из центральных проспектов. Не иначе как Мадрид, де факто сменив начальника местной полиции, этот демонстрирует «силу». «Местные» в бобочках салатного цвета, прикрытых бронежилетами, усердно разворачивали потоки машин. Они мне показались несколько унылыми... К площади пропускали только тех, кто с испанскими флагами, машины Национальной гвардии да скорой помощи. «Но можно выйти на проспект и в другом месте, – подумал я, – там, где нет полиции, и попробовать идти с флагом Каталонии...»

Придурок!

Иду дальше. Без флага – тоже ничего, оказывается, можно. Народ целеустремленно, без излишней крикливости и проявления неуместной радости шёл к площади Глория. Чувствовался приличный заряд убеждённости. Никто никого не тащит. Вышли семьями, правда, в отличие от позавчерашних, без собачек. Почти у каждого флаг за два евро (сегодня продают уже за пять). У главного корпуса университета ни одного студента! У них выходной – воскресенье! Провокаций нет. Противоположно заряженные массы далеки друг от друга. Правда, заметил одну пожилую парочку. Еле идут и у каждого по флагу – Испании и Каталонии. Этаким семейный оксюморон.

Ближе к месту сбора появляется испанская полиция. Самоуверенные крупные мужики, красавцы с усами и бородкой, все в чёрном, как и «местные», тоже в бронежилетах, на плечах что-то ярко-красное, на голове изящно смотрится берет. Автоматов нет. Все проходящие мимо ими любуются... Как же – свои!

Ещё вчера я вспомнил эпизод с Аль Пачино из «Крестного отца». Помните, главный герой в 1958-м перед самым Новым годом прилетел на Кубу и размышляет, инвестировать в эту страну или нет? Мне тоже показалось, что те, позавчерашние, которые за Каталонию, более вдохновлённые, что ли... Всяко могут породить лишние бизнес-риски.

Сегодня выводы другие! В который раз убеждаюсь в том, что всегда полезно посмотреть и услышать обе стороны.

Между тем, защитники единой Испании собрались, стояли, покричали, полюбовались на мадридские вертолёты в небе, помахали плакатами, где что-то написано о Пучдемонне. Ни трибуны, ни выступающих. Ясно! Показали, что их много. Однако, действительно, многовато! Через час постепенно стали расходиться.

И всё-таки эти были относительно спокойные, организованные и уверенные в себе. Удивился даже. Будто для них никогда не было карнавалов...

Часам к пяти вечера появляется информация. Пучдемон покинул Барселону и уехал в Жирону. Он там несколько лет был мэром. После провозглашения независимости целые сутки молчал. Всю ответственность за это действие взяла на себя спикер Парламента. Она открыла голосование, она считала, она провозглашала. Президент Каталонии даже не выступал. Проголосовал и всё! А через день, узнав, что ему разрешено 21 декабря избираться вновь в Парламент автономии, уехал. Зачем уехал? Я сначала подумал, что на символический матч «Жирона» – «Мадридский Реал». Кстати, там «Жирона» выиграла. А потом – вдруг он там хочет создать параллельное правительство? Или просто поближе к границе? Вообще-то – независимость независимостью, но выходные...

Ответ дал заместитель лидера: «Президентом страны есть и будет Карлес Пучдемон... (*внимание!* – Б. К.) по крайней мере до тех пор, пока граждане не решат иное на свободных выборах... В ближайшие дни (*не завтра!?* – Б. К.) движение за независимость должно будет принять трудные решения, которые не всегда будет просто понять (*вот как!* – Б. К.)... Рано или поздно этот путь закончится созданием Каталонской республики».

Какая прелесть!

Утро. Понедельник. Вчера перевели стрелки на час назад, как бы отдавая от Москвы местные проблемы. Теперь разница с Питером два часа. Во дворе нашего дома, как

обычно, шумит детвора. Рядом школа. Первого октября туда тянулась километровая очередь голосовать за независимость. Под проливным дождём с шести утра! Проспект весь в движении. На работу! Бегают рысцой симпатичные парни и девчонки. И цвет их трусиков никак не похож на окраску главных государственных символов ни страны, ни её автономии. Молодые мужчины с бородками испаньолками изящно собирают мусор в резиновые ведра. Милые женщины из той же службы в курточках цвета совков. Полиции не видно вовсе. И «местная», и «центральная» мирно стоят у входа в здание правительства Каталонии. Скоро из Мадрида прилетят новые министры... Народ трудится. Флаги Каталонии на своих местах – на балконах домов. По-прежнему у дома Casa Golferichs на Гран Виа сидит бомж и просит милостыню... Солнце... Тепло... «Демократическое сопротивление» каталонцев «агрессии» Мадрида в действии...

Вывод. События «разбудили» вечно дремлющее молчаливое большинство каталонцев – противников независимости. И это большинство теперь намерено голосовать.

Послесловие. 21 декабря

Проголосовали за новый парламент.

Подсчет бюллетеней показал, что три партии, выступающие за независимость, – «Вместе за Каталонию», «Республиканские левые Каталонии» и «Народный союз» – получают в региональном парламенте 70 мест из 135, то есть большинство. Но и 27 октября было так же! 70 – за отделение. Только теперь трое из этих семидесяти сидят. Нет, они еще не осуждены, то есть могут быть избранными, но участвовать в голосовании не могут и доверенность дать – тоже. Ну, с Пучдемоном ясно! Приедет – посадят... Не приедет – не получит депутатское удостоверение и потому тоже не сможет дать доверенность. Короче, нет большинства! Более того, внутри этой коалиции много чего намешано. Есть суперлевые – аж четыре мандата, но они-то, как всегда, всё и решают. Эти, конечно, за Каталонию, но и за

нечто похожее на коммунизм – тоже! Вот и попробуй тут! Ещё факт. Самый развитый промышленный регион, Барселона, голосует против отделения. И если что-то и произойдёт в будущем, то этот регион уже сейчас интересуется: как выглядит Конституция новой страны и что там сказано о выходе из неё?

Короче! Бизнес уже на всякий случай поменял «прописку», крупные промышленные регионы, случись что, сразу и в установленном порядке покинут самопровозглашённую страну, ЕС к себе не возьмёт, иначе породит столько проблем! Да и не сможет. Ведь Испания будет точно «против».

Из сложившейся ситуации может быть лишь два выхода. Первый предусматривает жёсткий силовой сценарий, при котором сохраняется прямое управление Каталонией из Мадрида, все бывшие члены Каталонского правительства отправляются за решётку, и регион по сути теряет свою автономию. Этот вариант завуалированно поддерживает лидер победившей на выборах партии «Граждане» Инес Арримадас (25% и 36 мандатов), для которой это единственный способ добиться реальной власти в регионе. Но он же чреват тем, что напряжение внутри региона будет нарастать, репутация Испании как демократической страны в лице её европейских партнеров пострадает, и в какой-то момент реальная независимость Каталонии станет гораздо более реалистичным исходом, чем это кажется на данный момент. Так что данный сценарий скорее переносит проблему на будущее, чем её решает.

Второй вариант предполагает компромисс, основой которого могла бы стать конституционная реформа. Она увеличила бы автономию испанских регионов, включая Каталонию. Подобный компромисс мог бы помочь разрешить ситуацию на более долгий срок и подорвать поддержку сторонников независимости. Но против этого варианта играют тактические соображения участвующих в переговорах партий. Социалистическая рабочая партия выступает за конституционную реформу. Но для Гражданской и Народной партий этот вариант чреват потерей голосов избирателей за пределами Каталонии. А для партий Пучдемона

(«Вместе за Каталонию») и Жункераса («Левые республиканцы») он грозит потерей поддержки наиболее радикально настроенных сторонников независимости.

Но политикам в конечном итоге придётся выбирать, по какому из путей двигаться дальше. Пока же решение по Каталонии не принято, ситуация ещё долго может оставаться в том же подвешенном состоянии, что и сейчас. А управление будет из Мадрида...

* * *

Вот народ! Осенью под проливным дождем и брандспойтами полиции из Мадрида стояли в очереди на Гран Виа, чтобы проголосовать на незаконном референдуме. Потом по этому же проспекту шли на революцию... Шли с детьми, с собачками, обёрнутые в национальный символ Каталонии... Вчера танцевали на перекрёстках... Сегодня такое впечатление, что Барселона вся бежит куда-то... Уже час бегут прямо по мостовой того же самого Гран Виа. Тут тротуары в два раза шире мостовых, и они пусты!

Наверное, просто весна... Все революции по осени!

Впрочем, как везде...

Путешественники

Рассказ

*Мы всходим на корабль, и происходит встреча
безмерности мечты с предельностью морей.*

*Бодлер III. Плавание.
(пер. М. Цветаевой)*

Какое прелестное время! Ни самоотверженной пахоты, ни мучительного выяснения смысла жизни, ни поиска денег... Не надо гробить сердце, исправляя отношения между участниками очередного проекта. Не нужно пить для создания атмосферы доверия или демонстрации близости взглядов и идеалов. Лишнее – заводы и пароходы. Яхты, корпоративы и гламурные тусовки – тоже ни к чему. Повывелись и мелкие проблемки, часто переполнявшие критическую массу негатива. Мелькнёт на минутку «носитель проблем», – куда без них – прикоснёшься... Это, наверное, как у хорошего токаря, вышедшего на пенсию, – обязательно вернётся на завод, только чтобы вновь и вновь вдохнуть запах свежей металлической стружки...

В остальном – сплошное благоденствие! Уже давно созрел и оформился ясный и, по-моему, заслуженный образ жизни. Ни за что на свете не хотел бы стать моложе ни на двадцать, ни на тридцать лет! Сейчас я точно знаю, что мне нужно и без чего могу прожить.

Я и Масик – маленький пёсик, джек-рассел-терьер – весной и летом живём в Маноле. Есть такой посёлок на Карельском перешейке около Питера, появился на берегу Балтийского моря ещё в тринадцатом веке. Каждый день

гуляем вдоль залива, взбираемся на огромную гранитную глыбу, похожую на постамент к Медному всаднику, и любуемся каменистым берегом, островами напротив и водной гладью пролива Бьёркезунд, над которой, израстая в прожилках заката, чуть дышат лучики заходящего солнца. Придём домой – на поляне подстриженная травка, цветут черешня и яблоня, потом сирень, а чуть позднее жасмин. Тут посидим, там... На веранде устроимся в кресле. Чай с бергамотом... На коленях у меня Масик лижется, пытается что-то сказать, поделиться радостью. Ни тебе комаров, ни жары, ни ветра. Впадаем в полудремоту. Если на море шторм, его не чувствуешь, только гул слышен и верхушки деревьев колышутся. А на усадьбе благодать! Свет вырубят – включится генератор. Температура упадёт – заработает котёл на соляре. Баня нужна – пожалуйста! Через час можно париться. Вздумалось еды купить? Садись в авто, и через пять километров Приморск. Нужен город побольше? Ради Бога! Сорок минут и нате вам – Выборг, единственный в стране средневековый западноевропейский город, не считая калининградский анклав. Да и до Питера недалеко.

Только уезжать не хочется. Придётся Масика оставлять одного часа на три-четыре. Понятное дело – мой эгоизм. Ему ведь и так, и этак хорошо. Бегает себе по полянке, ворон гоняет и в ус не дует. Устанет – заберётся на диван и дрыхнет. Вот и сейчас храпит. Да так громко! Но я точно знаю, стоит только встать, и он вмиг проснётся, поднимется на свои коротенькие лапки и кинется бежать к любимому мячику. Найдёт его где-нибудь под ёлкой и смотрит, не иду ли я с ним поиграть. А ещё он знает, что на этом шарике приятно на спине кататься. Уляжется и ворочается из стороны в сторону, пока мячик из-под него не выскочит.

Но если я надену через плечо сумку с документами... Всё! Ни за что не отпустит. В дом не заманить, поводок не прицепить. Пробовал прятать сумку. Он всё равно её чует. Хотя в карман засовывай, хоть в мешок полиэтиленовый. Раньше я поводок пристёгивал перед калиткой, мол, гулять собрались. Открывал её, походим минуты две и возвращаемся обратно. Заводил пёсика в дом, закрывал двери и делал,

что хотел. Теперь всё не так! Он постиг мою хитрость и стал мудрее, нигде не даёт подойти. Теперь я просто сажусь в машину и еду к воротам. Он, конечно, за мной бежит и лает. Ворота сами открываются, я выезжаю...

Скажите: «Ну ты простой!» Так и есть. Ещё год назад Масик неотвратно убежал. Ищи, лови его по всей Маноле! Теперь – «высокие технологии»! Выехал за ворота, а там специальная площадка и она огорожена другим забором. Он почти невидимый и без единой дырочки. Выхожу, выключаю мотор, возвращаюсь через основные ворота. Пёсик – за мной. Если не выключить мотор, останется у машины. Идём вместе метров десять. В это время ворота сами закрываются, а я, подлый такой, ухожу через калитку. Через неё ему со мной не проскочить. Да он и не пытается! Пробовал сто раз. Стоит тихо, хвост поджал, представляет все нюансы последствий моего слова «ждать». В общем, опять обманываю малыша. Обманщик! Самому гадко. Ну почему же обманщик? Я ведь честно сказал ему: «Ждать! Магазин. Приморск». И машину я теперь стараюсь вывозить за ворота заранее, ещё утром, пока он спит...

Зато когда возвращаюсь, его мордочка обязательно торчит из-под ворот. Ждёт! Такое чувство, что он вот так сидел всё время и ждал, выглядывая время от времени. Жалко! Проросли друг в друга... Потому всегда тороплюсь к нему или просто никуда не выезжаю и питаюсь пельменями.

Постепенно подкрадывается осень. Октябрьский солнечный свет пробивает листву, и та, спадая с наших берёз и клёнов, безучастно плывёт в прозрачную синеву морозного неба. И кажется, что всё ярче и ярче становится свет, сильнее блестит всё кругом, и мокрые листья, упоённые светом, спорят с лазурью небес живым блеском своих тёплых красок. Но такое впечатление, что после этого путешествия посадочная полоса для них всегда у меня на поляне. Если ночь была холодной, то она на хрупких паутинках, что появляются на нижних лапах елей. Основная же круговерть листвы усаживается на траве. Убирать граблями – пустое дело! Во-первых, Масик постоянно ворует у меня всё, что положишь на землю. А во-вторых, час-другой

собираешь листья в кучу, наконец травка зелёненькая появляется... Теперь забраться бы в кресло да любоваться, как летом бывало. Пока ещё земля дышит, листья пахнут и деревья не заснули... Не тут-то было! Тотчас мелкий, мокрый снег выпадает и покрывает дырявым белым покрывалом всё это благолепие.

Короче, пора собираться к родным, в тёплые страны. Лебеди вон каждый год из нашей Коровьей бухты улетают в Южную Африку. Ну и мы тоже... Только не с ними, конечно, а поближе, на юг Испании или Франции. Сходим последний раз туда, где белые красавцы всё лето обитали, прощаемся, и – до встречи в следующем апреле!

* * *

Сначала мы покинули каменистую Карелию, холодную ветреную красавицу с густо накрашенными и вечно заплаканными ресницами елового леса. Неделю назад, вдоволь насмотревшись сцен очередной каталонской «революции», бросили облицованную красивым камнем карнавальную блондинку Барселону. Но, как говорится, тренд сохраняется. После стольких лет пребывания в неопределённости кризисных проектов влечёт к чему-то достоверному и прочному. И это, заметьте, не молоденькие Альпы, а мудрые Пиренеи!

Попробуем пребывать вблизи гор в постоянной рекреации и вне каких-либо архитектурных излишеств – пусть и прекрасных, но всё же искусственных городских построек. Только листочек, ветерок, глыба камня да пик Канигу (pic du Canigou) вдали... Надо сказать, мы довольно быстро привыкли существовать в пространстве, где «искусственное» осознанно изгоняется. Всё хорошее и приятное приходит в нашу жизнь неожиданно. И это могут быть даже самые незначительные, на первый взгляд, вещи: пение птиц в саду или луч солнца, который пробивается в комнату через приоткрытые шторы...

Сегодня проснувшись от стука в окно. Оно на втором этаже, однако... На юге Пиреней в осенне-зимнюю трамонтану в домах всегда стучат ставни. Ветер тридцать метров

в секунду и он непременно оторвёт их крепления от стены. Но вчера ветра не было. Да и вечером небо было чистым, без предвестника трамонтаны – закрученных в спираль облаков, окрашенных ярким красно-синим цветом со злобещим фиолетовым отливом.

Не задевая вытянувшегося вдоль кровати Масика, я поднялся и направился к окну.

Три симпатичные пташки с длинющими носами и в перьях цвета тех самых облаков, что появляются перед сильным ветром, сидят на подоконнике в ряд и по очереди бьют клювами по стеклу. В маленьких глазках читается только одна цель – тупо стучать! У моего четвероногого приятеля тоже чаще всего одна эмоция на мордочке, но их много, время от времени они меняются и все такие разные! Непрошенных гостей можно понять: снаружи в полумраке комнаты чуть видна кровать, там незнакомцы, и они спокойно спят... Пернатым интересно. Ведь нет ничего таинственней сумрачного окошка. То, что увидишь при солнце, слишком заметно...

Пока безветрие, птицы всё утро трудились, опыляя лимонный каллистемон, а эти пришельцы, за окном, дрыхнут, как ни в чём не бывало. «Явно не наши! – тревожно запищали те, что отдыхали, восседая рядом на кусте мимозы, и многозначительно уточнили, – ну, точно не из нашего семейства колибри. А кто тогда? – В их голосе сразу послышалась знакомая интонация одного из персонажей „Семнадцати мгновений весны“. – Лежат, ничем себя не выдают. Видимо, что-то затевают и хотят быть кристально чистыми. А что в таком случае они затевают?» Не находя ответа ни на один из вопросов, любознательные пернатые решили разбудить и прямо спросить непонятных бездельников.

Я раскрыл окно. Настойчивые дознаватели вмиг упорхнули. В комнату ворвался запах цветущей австралийской мимозы и ярко-красных торчащих в разные стороны тычинок каллистемона. Эдакие «ёршики для мытья посуды»! Издали чем-то напоминают кусты рябины...

Масик проснулся, вылез из-под одеяла, потянулся, сразу всё понял, в два прыжка оказался у окна, встал на задние

лапы и, опираясь передними о подоконник, вытянул морду. Зажмурив глаза, он сильно потянул носом, открыл один глаз, потом другой, покосился на меня. За окном никого не было. Удивился, брови «домиком», как у Шарля Азнавура... «Улетели? Испугались! Не иначе... А то бы я им всем задал! – как видно, мелькнуло в голове у пёсика. – Вот так каждый день! – подумал он, сразу нахмутив брови, – что-нибудь да обязательно произойдёт непривычное! А чего вы хотите? Чужбина... Туризм...»

Да, это что-то новое в нашем с Масиком туризме! Искать отличия в городках французского Лангедока-Русильона. В этом городке или в другом, в двадцати минутах езды и почти таком же. Ну, не совсем, конечно! В Амели-ле-Бен-Палальда (Amelie-les-Bains-Palalda) горы ближе и как-то все вокруг расположились, а в Лярок-дез-Альбер (Laroque-des-Albères) дороги в центре страшные, спуски аж под сорок пять градусов! Я даже остановил машину перед таким обрывом: «Неужели это дорога?» Сзади тотчас загудели привыкшие аборигены. А горы здесь видны, только если сам на гору взлезешь. Так же, как море в Премья-де-Дальт (Premia de Dalt) – барселонском «Сестрорецке». Но когда «лезешь», вернее, въезжаешь на гору, тут и там видишь миленькие норки в застроенном ландшафте. Это украшенные изящным деревцем или цветастым кустом воротики на входе, а за ними лесенки куда-то вверх и в сторону. Склон горы вдруг изгибается и образует подобие уютной расщелины. Любой естественный природный излом изобретательные каталонцы используют для украшения прохода к своему жилищу. На равнине всё иначе. Здесь горы видны все сразу и из любой точки. Даже пик Канигу кажется то ли выше, то ли ближе! Будто ты уже у его подножия, в Верне-ле-Бен (Verne-les-Bains). Пра-де-Молло-ла-Прест – слишком далеко, дорога извилистая, как в Андорру, без «Драмины» не обойтись. Особенно тяжело, если свернуть к симпатичной деревушке Серралонг. Масик начинает жалобно попискивать. И ещё, всё время ощущаешь, что вон там, за поворотом, уже Испания... Когда возвращаемся в Сере (Seret), вдоль прямой дороги мелькают деревья бес-

Манола.
Баня, любимое
место Масика,
ночью

Манола.
Закат

Манола.
Вишня

Манола.
Масик и сирень

Манола.
Масик нашёл гриб

Манола.
Вереск цветёт

Манола.
Масик и жасмин

Манола.
Берег залива

Манола.
Камень на берегу
залива

Манола.
Лебеди
в Коровьей бухте

Манола.
Лужайка у дома

Манола.
Гостевой дом ночью

Барселона.
Храм Святого Семейства

Барселона.
Городские тротуары

Флаги Каталонии
на балконах домов

На митинг
«За Испанию».
У здания университета
безлюдно

Пожарная машина
у дома

«За Испанию»

Семейный оксюморон:
вместе «За Испанию»
и «За Каталонию»

На митинг
«За Испанию»

На митинге
«За Испанию»

На митинг
«За Каталонию»

Митинг «За Испанию» закончился

Сере.
Ворота Франции

Бульвар
Маршалъ Жофр

Бульвар Жан Жорес.
Слева – кафе «Пабло»,
прямо – Ворота Испании

Лимонный каллистемон
под окном квартиры

Кафе «Пабло».
Утренняя чашка кофе.
Печенье – Масику

Сере.
Выставка акварели

Художественные галереи
на улице Коммерс

Выставка картин
Фабиена Буатарда

Ван Донген.
Женщина в красной
шляпке

Зоомагазин на улице
Сен Ферреоль

В зоомагазине.
Масик выбирает
мячик

Каталонский
пирог

В библиотеке Сера

Магазин старой
книги «Пьян от
книг» на улице
Сен Ферреоль

Лимонный каллистемон
на площади Республик

Масик-путешественник

Скульптура Аристида Майоля «Монумент павшим». Памятник посвящён 105 жителям Сере, погибшим в Первую мировую войну

Мимоза под окном квартиры

«Чёртов мост» через реку Тек

Музей
современного
искусства

Ночной Сера.
Бульвар
Марешаль Жоффр

Ночной Серре.
Ворота Испании

Ночной Серре.
Ворота Франции

Ночной Серре.
Стена церкви Сен-Пьер

Ночной Сere.
Фонтан девяти струй

Масик карабкается
на Ворота Франции

Пересечение бульваров
Маршала Жофра
и Жана Жореса

Пироги на улице
Сен Ферреоль

Обеденный стол
после посещения
рынка Сера

Проспект
Женераль де Голь

Рубец с хреном

Рынок Сере.
Чурросы

Фонтан
девяти струй

Рынок Сере.
Шарфики

Улица Пьера Рамей.
Вдали видны Ворота Испании,
слева – музей музыкальных
инструментов

Стенд Сера

Масику
всё интересно

Облака перед
трамонтаной

Улица Коммерс.
Впереди – Ворота Франции

Дорога Сере-
Перпиньян.
Впереди –
пик Канигу

На прогулке
вдоль стены
Дворца королей
Майорки

Вблизи центра
Перпиньяна

Вход во Дворец
королей Майорки

За воротами
церкви Сен-Жак –
улица Франсуа Вийона

Девушка
в модных
брючках

Масик «в раздумьях»
перед каруселью
в Перпиньяне
на Рождество

Монументальная
лестница,
ведущая к улице
Франсуа Рабле

Памятник
депутату Бурра

Ночной Перпиньян на Рождество.
Набережная реки Те.
Слева – стена Кастилет,
впереди – мост Мажанта

Парк.
Платаны

Площадь Мольера.
Вдали – Монументальная
лестница

Набережная реки Те.
Вид на площадь Резистанс

Угол площади Мольера
и улицы Мишеля де Монтеня

Церковь Сен-Жак

Скульптура
Аристида Майоля

Проезд
Мориса Трентиньяна

Набережная
реки Те ночью

Пра-де-Молло-ла-Прест.
За калиткой – граница
Франции с Испанией

Пра-де-Молло-ла-Прест.
Церковь Сен-Жюст

Пра-де-Молло-ла-Прест.
Вид на горы

Пра-де-Молло-ла-Прест.
Метка на память

Деревня Серралонг.
Здесь будут строить дом

Перед въездом
в деревню Серралонг

Ручей в Верне-ле-Бен

Коллиур.
Королевский замок

Отсюда виден весь Коллиур

конечных садов черешни. Вот бы посмотреть на них в апреле во время цветения или в мае, когда проводится ежегодный фестиваль черешни (Fête de la Cerise)!

Спросите: «Что за напасть, гонять по этим городкам?» Изучаем новые места для будущей зимовки. По своей прошлой работе я привык не уменьшать количество возможностей. Это уже тяжело. Неистовое желание махнуть рукой и что-то выбрать. Но чтобы их ещё и увеличивать! Да, неблагоприятное, надо сказать, занятие! Ведь уже прошла неделя жизни в Сере, закрепился набор приятных эмоций. Он неминуемо отгоняет конкурентов. Любое вмешательство выдавливается куда-то, в иное измерение, и его попросту не различаешь.

Приятные эмоции... Это не те, что связаны с комфортом или удовольствиями. Скорее, здесь результат какого-то преодоления или контраста с чем-то привычным. Это как в Маноле. Там всё выстроено и выстрадано годами. А человек всегда до последнего цепляется за старое, страшась перемен больше, чем привычных тягот и горестей. Но перемены, с чего бы они ни начинались, почти всегда приносят хорошее. Особенно когда ты готов это увидеть и принять. «Самое главное, – как поётся в известной песне о Маленьком принце, – сказку не спугнуть! Миру бескрайнему окна распахнуть!..»

Такие же ощущения победителя были у меня в Цюрихе в начале девяностых. Переговоры один день, а самолёт обратно в Питер только через пять дней. Вот и ждал почти неделю без денег, радуясь маленьким удачам. То дешёвого пива выпьешь вместо обеда. То всюду преследующий тебя запах пережаренного масла приведёт к свежеиспечённой и ещё горячей воздушной кукурузе... Набьёшь ей живот, потом запьёшь непривычно чистой водой из-под крана... Чудо! Ляжешь на берегу озера... Благодать! Бывало, умудрюсь на вокзале купить и пива, и сосиску. Вот счастье-то! А попробуй в том же Цюрихе войти в трамвай. Не выйти! Это и дурак здешний сможет. Тут всё загадочнее. дождался симпатичного трамвайчика? Теперь нужно успеть совсем незаметной кнопочкой снаружи заставить открыться дверь.

Пока поймёшь, пока увидишь её... Зайдёшь, а там ещё сложнее. Билет придётся штамповать. Да не просто так! Тут Швейцария, немецкий кантон! Несколько раз придётся бумажный билетик аккуратно сложить точно по пунктирным линиям. Не нравится? Поезжай в Женеву или Лугано!

К чему это я? Да всё к тому, что туризм и конкретное бытие – суть вещи разные! И когда осознаёшь, что сподобились выжить без гида и полного пансиона, – радость обуревает неуёмная. Тогда и большие собаки не помеха, и местные красоты ярче кажутся! Не устаём любоваться.

Так вот, в Сера мы уже намучались, много чего знаем и умеем. Где, что и почём покупать, чтобы поесть? Где гулять и не встречать злых собак? Масик обязательно будет на них лаять, а потом всякий раз вставать передо мной на задние лапы и спрашивать: «Здорово я её? Ты не бойся. Со мной не пропадёшь!» Важно знать: где чинят авто, а где только прикидываются? Где можно подстричься, не рискуя остаться с модным здесь советским «полубоксом» на голове? Простейшие вещи: заправить автомобиль, подкачать воздух в шины, купить нужное масло и долить его в мотор – события, в общем-то, ерундовые. А попробуй-ка тут! Едешь, а безразличный женский голос из Гугла всё время опаздывает, и непонятно: она про съезд на этом круговом перекрёстке говорит или уже про тот, что впереди. Но у этого нет третьего съезда!? Тем более противно, если на табло вдруг загорается гнусная жёлтая маслёнка с капающим маслом...

Есть и хорошие места. Мы без ума от маленького магазинчика на улице Сен-Фереоль (rue St.-Ferreol) с трогательным названием «Пьяный от книг» (“Ivre des livres”). Здесь Масик всегда получает добротный бутерброд от хозяина, а я за три евро покупаю очередную потрёпанную книжку восемнадцатого века издания. А почта! Такой контраст с Главпочтамтом Питера! Там, помнится, год назад заставляли адрес свой и получателя царапать шариковой ручкой или химическим карандашом сначала на дерюге, потом на картонке, где ручка то и дело её протыкает, и ещё зачем-то на бумаге... А тут продали тебе на наши деньги за

пятьсот рублей красивую картонную коробку для посылки в пять килограммов. На ней крупно синим по белому начертано, что груз поступит адресату в течение 48 часов. Написал я в углу на коробке в специально отведённом месте адрес, а работница почты провела пальчиком и ловко вынула из-под этой надписи тоненький листочек. Оказывается, он там где-то уже был и ждал, когда на нём проявится то, что я написал. Прикоснулась печаточкой почты, и вот вам, пожалуйста, квитанция! А платить? Так уже заплачено! За коробку... И, наконец-то, поехали мои книжечки в библиотеки Парижа и Перпиньяна. Из другой страны не пошлешь. Издательство петербургское пробовало. Во Франции введено «ЧП», из-за границы посылки не доходят.

Да, здесь всё по-иному. Взять, к примеру, местную библиотеку. Вход свободный. Никакой регистрации! Всё находится в памятнике тринадцатого века, в «Воротах Франции» (Porte de France). Приходи, выбирай, бери, читай. Решился я им свои три книжки на французском языке подарить. Смотрю, пять женщин меня и пёсика окружили и лопочут одновременно. Прямо как испанцы! Читатели, что сидели кто на диване, кто в креслах и листали газеты, тоже встали посмотреть на диковинку. Целый писатель, прямо из России, с собачкой на поводке, дарит им свои книжки на их языке, да ещё про их же поэтов... А я чувю, что-то они хотят. Но что? Я ведь могу только с одним человеком говорить. Если их несколько – ничего не выйдет! Не все одинаково понимают то, что я умудряюсь произносить, а уж я их – и подавно. Масик это сразу подмечает, начинает зевать и на собравшуюся публику уже не обращает никакого внимания. Выискал я одну женщину, медлительную, рассудительную, в очках, и давай ей втолковывать... А она – мне. Наконец уяснил! Нужно написать, что эти книги – «дар библиотеке». Я знаю слово «подарок», а они всё одно твердят: “Don, don, don...”. Но я ведь и так «даю»... В общем, нужно с одним говорить! Отработанная технология. Так было и на почте, и в агентстве по недвижимости, и у хозяев съёмной квартиры. Там муж меня выслушивал, а потом переводил супруге.

Вообще, здесь, в Сере, всё инфицировано живописью. Волей-неволей заразишься. В многочисленных галереях работы современных художников. В местном музее, конечно, есть и Пикассо, и Шагал, и Дали... Они тут жили, творили каждый в своё время и, естественно, кое-что оставили понравившемуся городку.

У витрины одной из галерей Масик остановился и завилял хвостом. За стеклом висела репродукция картины Ван Донгена «Женщина в красной шляпке»... Мы влюбились в неё одновременно! И пошло-поехало! Нашёл в “*Ivre des livres*” 25 томов «Истории живописи» (“*Histoire générale de la peinture*”). Забыв про всё на свете, погрузился в чтение. Долго, не помню сколько, рассматривал репродукции картин разных художников и пытался понять, почему и как в зависимости от стиля и течения буквально за полвека меняется их восприятие женщины. И только Масик, начиная лизать моё лицо, возвращал меня в реальность. Выныривая из омута густо окрашенных потоков различных направлений европейской живописи, мне приходилось снимать очки, протирать их и рассеянно оглядываться по сторонам... Надо же! Куда-то подевались проститутки Лотрека и треугольные женщины Пикассо? А где вытянутые головы и чёрные глаза героинь Модильяни, точки, точки и ещё раз точки Сёра? Ни тебе импрессионизма с его игрой светом, ни тяжёлых мазков экспрессионизма! Наконец-то исчезли аллюзии сюрреализма Дали и отвлечённые формы абстракционизма Кандинского и Малевича...

Перед глазами только унылая мордочка моего приятеля, уже успевшего изрядно соскучиться и проголодаться.

Я появлялся с Масиком всюду. Сначала влюбляются в него, а потом, глядишь, и к хозяину позитив испытывают. Правда, в «Каталонские пироги», что напротив книжного магазина, не рискнул с ним заходить. Там такой запах, что не оттащишь ни меня, ни его.

А как приятно бродить по центру Сере после девяти вечера! Никого! Будто это только наш городок. Домов и памятников старины почти не видно. Подсветка жёлтая, приятным теплом тебя обволакивает. Тишина! Только платаны,

что раза в два выше домов, шумят на ветру своими кронами. Ну, как у нас в Маноле, если ветер с залива. Честное слово! Ведь и утром, и днём здесь гуляли, всё сооружения XIII века рассматривали много раз... Ан нет! При дневном свете совсем другое дело. Слишком приторно. Мы чересчур уж привыкли к унылому тону окружающей нас картины маленького городка, и взгляд наш уже скользит по её поверхности утомлённый и равнодушный. Хочется смотреть именно вечером. Да и Масик в сумерках не теряется, делает все свои «дела» прямо на камушки, что аккуратно выложены вокруг старых, лысых платанов.

К ночи, как повелось, заходим в зоомагазин (Animundis). Маська сразу исчезает в дебрях многоэтажных полок с мячиками. Я же начинаю обольщать галантными фразами на смеси европейских языков молоденькую продавщицу родом из Барселоны. На нашем «французском» мы легко понимаем друг друга. Правда, я частенько называю вместо “truite” – “forel”, а вместо “quartier” – “kvartal”. Но зато лихо получается, и с юношеской «наглостью».

* * *

Как без бани, если вот уже тридцать лет каждую неделю ходишь париться? А никак! Заболеешь! Организму не будет хватать усиленного кровообращения. Пришлось изучать, искать в интернете, где в округе имеется хотя бы некое подобие бани. Нашёл. Звоню. Не снимают трубки. Написано – работают с 10.00. Цены, время, массажи – всё указано. Отправился один. Как чувствовал: «Не нужна им баня!» Врут! Ехать-то недалеко, но противно: какие-то грунтовые дорожки, кустики цепляют авто, не видит спутник, почти всю дорогу молчит индифферентный женский голос. Приехал! Проснулась гугл-тётя: «Вы прибыли в место назначения». И что же? Ни машин, ни народа, ни obsługi... Никого! Хочешь не хочешь, а сразу вспомнишь, что ещё в 732 году под Пуатье дедушка Карла Великого остановил, а потом сподобился и вовсе прогнать отсюда арабов. У тех-то баня – святое дело!

Сегодня опять нет жуткой трамонтаны. Посему решились мы съездить в Перпиньян, купить французскую симку,

а заодно полюбоваться нашим будущим жилищем. По испанской симке можно звонить без роуминга, но интернет говорит «ку-ку» уже через неделю. Нашли квартал, где будем обитать почти весь январь. Вокруг одни писатели! Я имею в виду улицы с их именами. Так и пахло школой! «В своих произведениях они высмеивают лень, невежество и безжалостно бичуют человеческое лицемерие...» Кто они? Бальзак, Перро, Мольер, Монтань, Ростан.... Придётся там что-нибудь воспеть. А то как-то... *ne comme il faut!*

Так вот, жду я, значит, симку французскую. Здесь её ждут, тебя учитывают в невидимой очереди, а потом зовут. Смотрю, полиция подъехала к моей машине. Вышли и расхаживают вокруг неё, да все такие напряжённые... Я, естественно, предстал перед ними и, поправив на шее изящным движением шарф цвета хаки, изрёк на чистом французском:

– Чего такое?

– Нарушаете, – отвечают. Дальше у них было много слов. Понял процентов десять. Но смысл уловил. Оправдываясь, сразу отмечу: забавный южный французский хуже понимаю, чем парижский. И ещё отвык... В Сере, по-моему, нет ни одного полицейского. Саму полицию-то видел, но чтобы оттуда кто-нибудь выходил... По отработанной ещё в Маноле схеме я показываю им Масика. Это для начала. Мол, он хороший. Тот наклоняет голову, на морде улыбка и виноватые глаза. Следующее действие: достаю из широких штанин... книжечку свою на французском, сажусь на водительское сидение и выписываю «товарищам» в форме «благодарность за службу». В общем, всё, как обычно, как у Жванецкого: «Терпят, берут, не читают, ждут, когда новые поколения оценят».

Однако парковка была запрещена. Это раз! Документы даже не спросили – это два! Смеею предположить, сработал ряд факторов. Улыбка Масика, испанские номера, ну и без книжицы с чертовски привлекательной обложкой не обошлось. Там моя физиономия и ещё какая-то картина Клода Моне...

Итак, Перпиньян. Не искушая местных блюстителей порядка, машину оставили на платной стоянке и отправи-

лись путешествовать по городу. Терпеть не можем это занятие. Тоскливо — дома, магазины, толпы людей! Мелькнёт что-то интересное, и снова бутики, кафе, отели... Побывали около Кастилет (Castillet) — в своё время городские ворота и тюрьма. Дошли до площади Франсуа Араго (Place François Arago). Это, между прочим, физик и астроном. Если кто подумал, что писатель, таки нет. Писатели его братья — Жак и Этьен. С набережной Себастьяна Вобана (Quai Sébastien Vauban) — был такой в XVII веке маршал и инженер — долго любовались двухъярусными набережными маленькой речушки под названием Басса. Их можно созерцать бесконечно! Тенистые каштаны выстроились вдоль пешеходной дорожки, ниже, на уровне реки, разноцветные и различной формы клумбы с розами и розмарином. Масик всё норовил к ним прыгнуть! Нельзя! Где-то читал, что это самая красивая набережная в мире. По правде сказать, сомневаюсь, но действительно красиво. А вокруг празднуют Рождество! Иллюминация, бутики, всюду запах кофе, круассанов, жареных каштанов и маринованных оливок...

Решили дотопать до Дворца королей Майорки. Долго уговаривали друг друга. Понимаем, что это самая важная местная достопримечательность, но далековато. Если через исторический центр — минут двадцать займёт. Но мы настоящие герои и вдобавок к цели всегда идём в обход, с тылу. Потому что обожаем мелочи! Они как лакмусовые бумажки, говорят о многом. Масик всегда сначала облизывает тарелку с краю и только в самом конце принимает за основной кусок.

А что дворец? Сразу было предчувствие чего-то большого и закрытого. Забегая вперёд, скажу: так и есть! Большое и почти всегда закрытое.

Чем чреват шаг влево или вправо от разукрашенных улочек туристического маршрута? Правильно! Грязью, помоями, обшарпанными домами, бельём на окнах... Тут и там слышится вовсе не французская речь. Никто даже не помышляет погладить моего пёсика. Лица все встречаются озабоченные, суровые. Будто попали в далёкие времена

Столетней войны. Наконец вырвались! Перед нами огромная стена. Идём-идём вдоль неё. Нашли кое-как вход. Конечно, всё закрыто и даже духу человеческого рядом нет. Мы одни такие идиоты! В общем, обошли всю стену. Это и есть для нас «Дворец королей». А что? Зато какая-никакая тайна города осталась. Но чувство всё-таки неприятное.

Чтобы вернуть потерянное ощущение праздника, вновь прошлись по разукрашенным улицам, зашли в кафе, выпили эспрессо с круассаном. Правда, Масик любит, если кусочек обмакнуть в капучино. Ну, ничего! Понюхал, пососал и слопал за милую душу. Кафе небольшое, миленькое, напротив статуи женщины с поднятыми руками – шедевр скульптора Аристида Майоля (Aristide Maillol). Мы её называем: «Голая тетя без весла». Хотя это наверняка Дина Яковлевна Айбиндер – муза Майоля в последние годы его жизни.

Сегодня вообще одни открытия! В районе Ле Платан (Les Plananes), за Дворцом конгрессов (Palais de Congrès), обнаружили коротенький проезд Мориса Трентиньяна. Французский гонщик и, между прочим, дядя известного актера Жана Луи Трентиньяна. Помните фильм 1966 года Клода Лелуша «Мужчина и женщина»? Там Жан Луи тоже был гонщиком... Нашли-таки, в честь кого назван бульвар Жана Бурра (Jean Bourrat). Случайно, надо отметить! Добрались до местного рынка – не могли же мы его пропустить! Там бульвар Фредерика Мистраля (Frédérique Mistral). Такой же, кстати, есть и в Барселоне. Это Нобелевский лауреат по литературе 1904 года. Смотрим, а рядом стоит памятник. Думаете Мистралу? А вот и нет! Тому самому Бурра. Оказывается – депутат. Хм?! Масик, верный своему долгу, в обязательном порядке почтил своим вниманием монумент народному избраннику...

Дальше – больше! Узнали, что рынок в Перпиньяне ежедневный и находится совсем близко от нашего будущего жилья в квартале с улицами писателей. Вот здорово! Обожаем бродить вдоль торговых рядов со всякими вкусностями. Есть, конечно, вредно, но хотя бы попробовать... Просто вдохнуть аромат горячих чуррос или свежekoпчë-

ной колбасы, полюбоваться играющими на солнце каплями жира, стекающими с румяных свиных рёбрышек на гриле... А как приятно от одного только вида нарезанного рубца с хреном ощутить во рту лёгкий холодок его ломтиков сначала со сладковатым, а потом остро-горьким колющим привкусом! В Сере рынок работает только по субботам.

Раз такое везение, на радостях решил я поискать себе модные брючки. Такие узенькие... В Барселоне мы однажды увидели их на витрине. Не было моего размера. Масику не стал ничего объяснять – начнёт выпрашивать новый мячик. А где в городе с ним бегать? Отправляясь на поиски, в знак особого уважения, сразу после рынка свернули в «квартальчик писателей».

Очутились на улице Ростана, потом Бальзака, затем Мюссе, Перро... Ну, я их уже всех называл. Вдруг осенило: «Как всё задумано! А? Вот что значит с умом!»

Все проспекты, переулки и проезды с односторонним движением. Несмотря на кажущуюся безалаберность, они расположились здесь, не мешая друг другу и, начиная от бульвара Бурра, в хронологическом порядке. По обе стороны квартала «молодёжь». Самый конец позапрошлого века – Пьер Лоти с его колониальными романами и Эдмон Ростан с его «Сирано де Бержераком». Неоромантизм. На перекрёстке с улицы Ростана сворачиваем вправо. Попадаем к Оноре де Бальзаку. Его «Человеческая комедия» – это уже середина девятнадцатого. Улицу основоположника реализма в европейской литературе ненавязчиво пересекает другая, она чуть поуже и носит имя Альфреда де Мюссе. Романтизм. Писал лет на двадцать раньше Бальзака. Постепенно переходим в XVII век, на площадь Мольера – основателя классической комедии. От неё вдоль высокой крепостной стены в разные стороны тянутся улицы с именами Шарля Перро, Жана Расина, Пьера де Ронсара и Мишеля де Монтеня. С первыми двумя вроде бы всё ясно! Перро написал свою «Золушку» в самом конце XVII века, Расин же – один из трёх выдающихся драматургов Франции, – сотворил свою «Федру» в середине века. Кстати, почти в то же время, когда писали два других – Жан Батист Мольер и Пьер

Корнель. А ещё, я вдруг вспомнил, с именами этих трёх драматургов всегда ставится рядом Николя Буало, современник и Корнеля, и Мольера, и Расина. Он, между прочим, первый сформулировал законы поэзии. Но улиц с именем Корнеля или Буало мы не нашли, как ни искали... Масик во все дворы забегал – может, какой переулочек хотя бы попадётся! Их бы вместо «Ронсара» или «Монтеня»! Против этих двоих и их творчества я ничего не имею. Даже наоборот! Но, право же, так было бы справедливее и логичнее. Один из них эссеист и больше философ, чем писатель, а таких и вокруг нашего кварталчика предостаточно. Там и Монтескье, и Декарт, и даже Раймонд Луллий... Второй, Ронсар, хоть и поэт, но поэзия его, как писали современники, была уж слишком «подавлена учёностью». Почти триста лет о нём не вспоминали, и на тебе! А потом будут говорить, что в «писательском кварталчике» Перпиньяна не нашлось места ни третьему драматургу, ни примкнувшему к этой великой троице теоретику классицизма, тому, кто всем им помогал в борьбе с безжалостными ретроградами.

По моему разумению, здесь имеет место явное упущение! В целом же, как ни говори, а хронологическая последовательность расположения улиц соблюдена. Это главное! Ведь Ронсар и Монтень – уже XVI век! И то правда, что может в себя вместить маленький кварталчик в центре города? За три века французской литературы и десятка имён не набралось! Только Пьера Корнеля жалко... Я монолог Сида на французском помню... Наизусть!

А над крепостной стеной, огибая сверху весь квартал, протянулась широкая магистраль имени Франсуа Рабле. К ней от площади Мольера, как бы восходя к позднему Средневековью, ведёт широкая Монументальная лестница (Escaliers monumentaux). Вот тут сделали всё правильно! Достойное место для улицы имени того, кто заложил основы всей европейской литературы!

Вышли мы на площадь Мольера. Тихо, нет никого. Она хоть и маленькая, но чем-то ласковым напоминает вечерние улочки Сера и одновременно не то сад, не то парк «Платаны», что вытянулся рядом, вдоль бульвара Бурра. Вокруг

неё и даже посередине огромные деревья. Оказавшись на просторе, Масик тотчас принялся усердно гоняться за разноцветными листьями, то и дело поднимаемыми с асфальта внезапным порывом ветра и уносящимися ему вслед...

Приятель довольно быстро уgomонился и взобрался ко мне на скамеечку. Сидим, любимся волшебными «водо-воротами» ярких листьев, а я вдруг принялся вспоминать монолог Сиды. Приучаю Масика к мелодии французского стиха. Благо ни Корнелия, ни улицы с его именем рядом нет. Глядь, а из переулочка Шарля Перро, как из сказки, выходит барышня с собачкой. Мой товарищ – ноль внимания! Никакого желания демонстрировать какую бы то ни было озабоченность. Весь в литературе... Собачка, тоже джек-рассел, подбежала ближе, хвостиком вильнула... «Ну это уже слишком! – вставая на свои коротенькие ножки, подумал Масик. – Я в искусстве, понимаешь, а эта... Гав! – громко вымолвил он и повторил вполне определённо: – гав, гав...»

– Тося, Pour moi! Не приставай!

– C'est joli! – только и произнёс я, услышав непривычную смесь французского с русским, и, предчувствуя удачу, размышлял: «Потом, „скуки ради“, будет с кем поболтать. Может получится неплохое эссе! Эдакие непрехотливые извивы чувств...»

Девушка в «моём» шарфике цвета хаки, в коротенькой белоснежной курточке, с золотистыми прядями каштановых волос, спадающими на плечи, мельком, взмахнув ресницами, взглянула на нас и тотчас отошла в сторону. Потом присела на корточки и принялась двумя пальцами тереть щенка. Продолжая игру с собачкой, она встала, хлопнула в ладоши, щенок перевернулся на земле и отбежал в сторону. Милая шатенка тоже побежала, на мгновение обернулась, сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней, потом на Масика и, будто Золушка, исчезла так же быстро, как и появилась...

Видимо, затерялась где-то во дворах улицы Мишеля Монтеня, главного эссеиста всех времён и народов. Это он

впервые, ещё до меня, попытался говорить сразу обо всём и ни о чём, не имея предварительной темы, жанра, идеи, но как бы пробуя себя и в том, и в другом, и в третьем.

Мы успокоились, поднялись по лестнице и уверенно шествуем по улице Франсуа Рабле. Снизу, как на ладони, весь квартал, куда через неделю переедем из Сера. Приятное ожидание скорой встречи и с ним, и с симпатичной дамой, и с её собачкой переполняет нас. А открытие новой закономерности в местном градостроительстве просто, я бы сказал, вызывает заслуженную гордость... И всё-таки кажется, что чего-то не хватает. Что-то ещё не сходится в этой череде знаменитых имён. Проходим мимо церкви Святого Якова (*église Saint-Jacques*)... Так и есть! Упираемся в маленькую неприметную улочку с именем ещё одного Франсуа – Франсуа Вийона!

Как же без него?! Перро и Рабле вообще от Вийона не оторвать! Первый похоронен был в Париже у «неправильно повёрнутой» церкви Сен-Бенуа-ле-Бетурне (*église Sait-Benoit-le-Betourne*), где долгое время у своего дяди-священника жил Вийон. А второй – единственный, кто в самом объёмном литературном памятнике эпохи Возрождения – «Гаргантюа и Пантагрюэле» – вспомнил о своём тезке, первом французском лирике позднего Средневековья. Через сто лет после его исчезновения...

В общем, куда ни глянь – сплошь лирики и сатирики, чудесная девушка с собачкой, создатели классической комедии, и «Человеческой», в частности.

Да и мы с Масиком тоже весёлые ребята, чудеса и сказку любим. Но нам главное – их не спугнуть! Приятно, конечно, читать названия улиц, вызывающие ностальгические воспоминания о школьной юности! Но придётся-таки на время покинуть полюбившееся местечко. Мы же брючки модные ищем! Вернее, я... Обогнули квартал по бульвару сначала имени какого-то артиста, а потом «нашего депутата». Дотопали до кафедрального собора Святого Ивана Крестителя (*Cathedral Saint-Jean Baptiste*), а после и до Кастиллет. Шли-шли... Всё бутики и бутики! Опять забрали в кафе.

На этот раз совсем простую кафешку. Ничего нет, только пластмассовые столы и стулья прямо на площади. Выпил я непонятный кофе из бумажного стаканчика. Круасанов не дают. Масик сидит на соседнем стуле, хмурый, глазаёт во все стороны, должно быть, собак высматривает. Вижу, снова какая-то девица уверенной поступью продвигается в нашу сторону. Понятное дело: здесь народу хоть отбавляй, всякий захочет погладить моего Масика. Последние минут десять все так и льнут к нему, так и льнут. Однако джинсики на девушке изумительные! Я не выдержал, привстал, приподнял руку и пошевелил пальчиками, как бы приглашая. Дальше неинтересно. Девица, оказалось, шла к своему парню, что сидел у меня за спиной. Масик, кстати, все сразу учуял, а мне не сказал и даже не смотрел на молоденькую француженку. Вот он какой! Я не сказал ему про брючки, а он – про лысого парня со стильной эспаньолкой. Но не всё так плохо и бесполезно! Зато милая девушка подсказала, где купить такие же брюки, как у неё. Только не подумайте, что они от Пьера Кардена. Мне такие ни к чему, потому как они дорогущие. Буду вынужденно меньше тратить на еду, похудею, брюки станут сваливаться... Смысл? Вы согласны со мной?

По дурной привычке, померив, не стал снимать с себя понравившуюся покупку и отправился к кассе. А Масик меня останавливает, не пускает. Не послушался его призыва, а зря! Уж мне досталось! Продавщицы минут десять по очереди, почему-то краснея, усердно загибали вверх все мои рубашки и футболки, снимали этикетки и приколотые к поясу брюк всякие пластмассовые фитюшки... Умудрялись своими нежными ручонками залезать внутрь и отыскивать там ещё что-то для них, видимо, очень важное...

Однако теперь на мне не только шарфик, но почти такого же цвета брючки! А пёсик гордо шагает рядом, высоко задрав голову. Будто не на мне, а на нём новые штанишки.

«Симку» купили, новую одежду сыскали, полицейских обаяли, памятник депутату нашли, промахи в градостроительстве выявили, зашли в город с тылу, насмотрелись всякого... Достаточно для одного дня! Возвращаемся в Серё.

А на трассе жуть! Ветер километров восемьдесят в час, а то и больше! Смешно и грустно видеть, как легковушки, словно блохи, подпрыгивают на открытых участках дороги. А ещё температура минус один градус... При таком ветре она всегда ощущается градусов на десять меньше. Если рядом фура, лучше её скорее миновать. На «встречке» машинка вот так подпрыгнула и подрезала фуру. Та затормозила, и её прицеп перекрыл дорогу. Скорость машин 130, ветер – 80... Неэстетично!

Полиция остановила весь поток машин. И на встречной полосе почему-то тоже! Ходили вдоль скопившихся авто и что-то говорили водителям. То ли опрашивали, то ли призывали к осторожности. Я тоже опустил стекло и заинтересованно вслушивался в их сумбурную речь... Ничего не понял. Во-первых, потому что в открытое окно влетал только ветер, во-вторых, Масик, вспоминая первую парковку в Перпиньяне и, видимо, компенсируя, теперь лаял на всех, кто в форме. Ну и потом, эти полицейские говорят, как наши врачи пишут. Самый проверенный вариант: машина испанская, физиономия народного контролёра, речь немецкая: «Нихт ферштейн!»

И всё-таки, почему при таком ветре не изменили указатель максимальной скорости? Пока ехал, соображал. Это как на зимнем асфальте, покрытом неровным бугристым слоем заледепелого снега. Там, если медленнее семидесяти ехать, на бугорочке подбросит, руль вывернется, и пока ты его восстановишь, авто успевает съехать с дороги. А вот если под сто – всё о'кей! Только страшновато...

Доехали благополучно. Сегодня каталонские пироги не стали покупать. После такого обилия приключений потянуло к духовному. Благо оно всё рядом. Начинаем с библиотеки. У меня мания: в толстых книгах о французской литературе ищу что-нибудь о Франсуа Вийоне или Шарле Бодлере. В первом случае – не поторопились ли забыть? Особенно после жуткого фильма 2010 года «Я, Франсуа Вийон, вор, убийца, поэт». А во втором – как скоро после реабилитации в 1949 году сообразили, что уже можно писать про его некогда осуждённые стихи... Нашёл! «Самые

красивые страницы французской поэзии» называется, почти девятьсот страниц! Смотрю XV век – нет Вийона! Герцог Орлеанский есть, а победителя организованного им поэтического состязания в Блуа нет! Вот олухи! Получил глубокое интеллектуальное удовлетворение.

Дошли до любимой галереи. Почему любимой? Здесь давно уже висит картина Фабьена Буатарда (Fabien Voïtard) с лебедем на лесном озере, а за красивой белой птицей голое женское тело, перевёрнутое вверх ногами. Видны только живот, ноги и бёдра. Круто! По-бодлеровски! «Этот ласковый лоск чрева, чресел и ног, / Лебединый изгиб ненаглядного сада...» Здесь мы задержались. Масику, видимо, лебедь нравится или что-то напоминает...

Удивительно, как же быстро меняются приоритеты у моего друга! Побывав в Перпиньяне в квартале «французских писателей», он теперь воротит нос от выставки акварели в Сере и от музея современного искусства. Правда, там уже месяц нет Матисса... Обходит стороной кафе «Пабло» (Cafe Pablo) напротив Ворот Испании (Porte d'Espagne), где в прошлом веке, попивая вино и кофе, общались Пикассо, Модильяни, Маноло, Матис, Кокто, Шагал, Дали... Предатель, он избегает все пять художественных галерей, что скопились на улице Коммерс, и даже не оглядываясь на репродукцию картины Ван Донгена, выставленную на витрине, настойчиво устремляется к неприметному узенькому переулку. Именно в этом месте начинается улица Маноло (rue Manolo). Сразу становится понятно, куда его тянет. Не иначе – вспомнил лето, зелёную травку, лебедей... Но для этого вообще-то нужно было нереально высоко задрать голову и прочесть название улицы в честь каталонского скульптора, друга Пабло Пикассо...

Шагаю вслед за Масиком в направлении «Манолы». Вышли из центра Сера с его уже привычными тремя памятниками тринадцатого века и двумя двенадцатого, остановились у «Чёртова моста» (Pont du Diable). То ли приятель мой понял, что этот мост никуда не приведёт, то ли почувствовал, что уж точно он не раскроет перед ним всю безмерность его мечты... У Масика взгляд задумчивый,

будто силится представить что-то, понять, пропустить через себя спрессованные пласты времени. А может, просто устал скитаться целый день, и пора восояси?

На берегу, чуть выше по течению, нашли милое местечко. Там огромный камень – то, что осталось от моста, построенного римскими легионерами ещё до нашей эры. Река-то, река! Одно слово! И надо же, снесла мост в 522 году. Только через тысячу лет решились сделать новый, тогда самый длинный в мире! Отсюда хорошо видны высокие холмы с одной стороны и оранжевый от яркого заката заснеженный пик Канигу – с другой. В центре Сера такого не увидишь!

Наконец-то мы одни! Миновали круговые перекрестки, отпустила тирания городов: памятники старины, асфальтовые тротуары и озабоченные человеческие лица... Кругом тишина, только доносится издалека стук колёс старенького авто по каменной мостовой узенькой улицы Републик (rue République)... Да! Не всякому дано купаться в неистовом круговороте больших городов. Наслаждаться им, наверное, тоже искусство!

Сидим на «памятнике» прошлой эры. Повернули головы в одну сторону и не можем оторвать глаз от того, как изредка налетающий ветер мелкой рябью шевелит речную гладь, да яркие блики заходящего солнца, пробегая по ней, плутают в молодой травке на берегу...

Парикмахерская напротив

(Coiffure à côté)

Эссе

В этом милом городке Сере набрали мы с Масиком на чудную парикмахерскую «Coiffure Martine»! Здесь «без записи», и сразу всё поняли, достаточно было обнажить голову. Масик всласть набегался по салону. А я наконец-то постригся и наговорился «по-французски» про всё на свете...

Смотрю в зеркало, а кажется, – куда-то в прошлое, и чуть заметная ухмылка не сходит с лица... Так бывает, когда только думаешь улыбнуться. Хочется приподнять руку, поприветствовать и, слегка пошевелив пальчиками, тут же проводить Былое... Всё – и пахоту 80-х на благо всех, и жуть 90-х и нулевых... Псевдобизнес, деньги, наезды, и снова деньги... Смерти одногодок... Каждый день, будто ты на солнечной поляне, усыпанной разноцветными игрушками... А чья-то артиллерия усердно пристреливает цель. Недолёт, перелёт... Недолёт, перелёт...

И совсем не странно и не больно сознавать: то, что некогда для тебя было всем, – оно позади...

Ни за что на свете не хотел бы стать моложе ни на двадцать и ни на тридцать лет! Сейчас я намного счастливее. Я точно знаю, что мне нужно и без чего я могу прожить, а без чего – нет!

Уходить нужно вовремя! От прошлого, от мрачных мыслей и от горьких воспоминаний, от отношений, изживших себя, и от людей, разрушающих вас. Помнить – да! Но не растворяться в них. Мы часто забываем, что нам никто не принадлежит. Ни наши мужья или жены, ни дети или внуки,

ни друзья или возлюбленные... Мы можем только чем-то делиться с ними. То и дело переживаем, когда у нас чего-то нет, а хочется. Когда нам чего-то не дали, а мы ждали. Редко задумываемся о том, от чего нас уберегла Судьба, не дав желаемое сейчас. Всё приходит и уходит вовремя!

Даже чудеса.

Если тебе повезло, и чудо случилось, очень может быть, что ты распознал самого себя! Ты в гармонии с окружающим миром и, что ещё важнее, – с самим собой! И не стоит искать её снаружи. Она появляется изнутри. Это то, что может быть только в твоём сердце. Это не новая работа, не новая машина или новый брак. Гармония – это мир в душе, и он зависит только от тебя. Нужно оставаться самим собой. Со своими недостатками и слабостями, со своим мировоззрением и ценностями. Быть счастливым с собой. Хотя бы потому, что это самые длинные отношения, которые у тебя есть.

И ещё. Глупо ждать, что придёт время, и станет легче, проще, лучше... Время не приходит, оно только уходит. Нужно учиться быть счастливым прямо сейчас! «Увидеть мир в одной песчинке и Космос весь – в лесной травинке! Вместить в ладони бесконечность. И в миге мимолётном – вечность!» (Уильям Блэйк).

Ну вот! Постригся...

В самолёте

Рассказ

*...Позвольте, мамаша! На станции,
согласно багажной квитанции,
от вас получили багаж:
диван, чемодан, саквояж,
картину, корзину, картонку
и маленькую собачонку.
Однако за время пути
собака могла подрасти...*

С. Маршак

Недавно убедился в правоте Самуила Маршака и много раз опробованных технологий поведения в кризисной ситуации. «Не уменьшать количество возможностей!» и «Немедленно ждать!» Билет на самолёт из Барселоны в Питер купили три месяца назад с подтверждением бронирования клетки с собачкой в багажном отсеке. В аэропорту зарегистрировался, оплатил багаж – чемодан и клетка с собачкой, выдали талончики на получение чемодана и клетки. Погрузили моего Масика в самолёт (я видел), сам уселся в конце салона, всем сообщил «ок, в 17.00 буду». В том числе водителю авто, чтобы из аэропорта сразу ехать в мою Манолу. Было четверть двенадцатого. Самолет принадлежал компании «Аэрофлот»...

Подходит стюардесса, зовёт куда-то... Иду через весь салон к кабине пилотов. Наивно думаю, чего-тонибудь сейчас предложит... Там командир стоит. Я знаю, на борту он

Бог, может все: ссадить, брак зарегистрировать, смерть или рождение...

– Тут такое дело... У нас самолёт не оборудован, и в багажном отсеке будет минусовая температура. – Командир, потупив взгляд, добавил: – Решайте!

– А если в салон взять собачку? Она только на два килограмма больше нормы для салона... Есть много свободных мест...

– Нет! Запрещено инструкцией... Испания может взять вашу собаку и завтра отправить в Петербург другим самолётом. Встретите завтра...

– Может, мне сойти вместе с багажом и Масиком?

– Пройдите на место. Я попрошу...

Проходит минут пять-десять. Опять зовут... Пассажиры уже в курсе. Негатив распространяется мгновенно! Кто конфетку протягивает, кто таблетку какую-то. Наверное, на лице у меня «радость неуёмная»...

У входа женщина. Лопочет по-испански, потом по-английски, потом, наверное, по-каталонски... Чую, не хотят оставлять моего Масика у себя на сутки... Смотрю на командира...

– Может, бумагу мне дадите, что без претензий к компании, если что случится с собакой?

Думаю... Вообще-то, он гулял при минус 20 целый час... А тут минус 5... Но четыре часа... И ещё в клетке... И все звучит в башке одно и то же: «Решайте, решайте, решайте...» Знаете, у шахтеров профессиональная болезнь – руки трясутся. У меня тоже болезнь. Двадцать лет в кризисных проектах. Там сплошная неопределённость! И не дай Бог, какой-нибудь план действий или примешь решение «пожуковски», ярко и лихо... Стою, балдею... Прямо как токарь-пенсионер – пришёл на завод стружку понюхать...

А мне все суют таблетки. Замечаю: конфет всё меньше и меньше... Является представитель Аэрофлота – испанец и говорит, что он, мол, запрещает перевозить собаку в не оборудованном багажном отсеке. Во как! Только узнал, что ли?! Часа два назад он же поменял тип самолёта на этот рейс, а про то, что в багаже будет собачка, забыл...

– Я вам сделаю билет через Москву. Рейс через три часа. А пока возвращаемся в Испанию через паспортный контроль...

– С собакой?

– Собаку выгрузят и ваш чемодан – тоже!

– И собака прилетит со мной в Питер! (читай: «Да не может быть!»)

– Си, – ответил представитель, чуть помедлив... и добавил: – будете дома в полночь...

В общем, два часа искали рейс, стыковали, запрашивали... Все те же, кто регистрировал, взвешивал, выдавал талон на багаж, кто всем этим действием руководил. Потом часик в очереди на паспортный контроль и безопасность, ещё часик бежал через весь аэропорт Шереметьево к гейту на Питер... Ищу туалет, чтобы высушить волосы. Весь мокрый! Фен не работает... Влезаю на борт и сразу с болью в сердце спрашиваю:

– У вас в багажнике тепло будет? – Смотрят, как на идиота... – Собачку мою уже погрузили?

– Проходите, товарищ! Всё потом! Всё потом! Какая собачка?

– Не важно, какая! Моя!!

А сам думаю, не надо активности – ссадят! Новый закон Дума принял!

Так и летел Масик, не ведая – со мной или где затерялся, как при прилёте из Питера в Барселону... Тогда полтора часа искал клетку. Нашёл у самого выхода... Бери, кто хочет!

* * *

Ещё до посадки стюардесса подошла к моим соседям и спрашивает с улыбкой:

– Как вам полёт? Всё хорошо было?

– Ещё не сели, девушка! – грубо ответили два здоровенных мужика.

Ни на что особенно не надеясь, я скромненько добавил: «А моя собачка с нами летит?»

Безмолвие и зияющая пустота... Только глухой щелчок от выпущенных шасси и поток неразборчивых дежурных фраз из репродуктора.

Содержание

Когда все дома... <i>Рассказ</i>	5
Гвоздь. <i>Новелла</i>	11
Системообразующий дизайн. <i>Рассказ</i>	13
Три дня в октябре семнадцатого. <i>Очерк</i>	17
Путешественники. <i>Рассказ</i>	27
Парикмахерская напротив (Coiffeure à côté). <i>Эссе</i>	49
В самолёте. <i>Рассказ</i>	51

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

Вдвоём...

Рассказы, очерк, новелла и эссе

Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Корректор Л.Н. Образцова

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 17.09.2018. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 3,5 п. л. + вкл. 2,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 27724

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3

Борис Фёдорович КОРНЕВ, родился в Ленинграде – российский писатель, прозаик, эссеист, известный специалист в области управления в условиях кризиса и неопределённости. Автор научных работ по вопросам экономики и психологии кризисных ситуаций.

Член Союза писателей России, член редколлегии альманаха «Северные цветы», лауреат литературных премий.

Его книги переведены на английский, французский, испанский языки и приняты в фонды национальных библиотек России, ряда европейских стран, Латинской Америки и Канады.